

УДК 316.33

С.А. Кравченко

S.A. Kravchenko

**СТАНОВЛЕНИЕ СЛОЖНОГО
СОЦИУМА:
ВОСТРЕБОВАННОСТЬ
НОВЫХ ПОДХОДОВ К ЕГО
ИССЛЕДОВАНИЮ**

**THE FORMATION OF
COMPLEX SOCIUM: THE
DEMAND FOR NEW
APPROACHES IN
RESEARCHING IT**

В статье рассматриваются проблемы перехода человеческих обществ в состояние сложного социума. Показываются его характерные черты, которые изменяют нашу жизнь. Сложные социальные реалии, соответственно, востребовали новые модели мышления, теоретические подходы и новые типы социологического воображения. Автор выступает за необходимость утверждения в социальных науках социологического воображения нелинейно-гуманистического типа как эффективного инструмента анализа сложного социума.

Ключевые слова: *сложный социум, «стрела времени», рефлексивность, нелинейность, поворот сложности, социологическое воображение.*

The paper considers the problems of transition of human societies into the state of complexity. The features of the social complexity that change our life are discussed. The complex social realities require consequently new models of thinking, theoretical perspectives and new types of sociological imagination. The author argues for the introduction of the non-linear and humanistic sociological imagination into the social sciences as an effective instrument to analyze the complex socium.

Key words: *complex socium, «the arrow of the time», reflexivity, non-linearity, turn of complexity, sociological imagination.*

С.А. Кравченко

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного университета международных отношений МИД РФ (г. Москва).
e-mail: sociol7@yadex.ru,

S.A. Kravchenko

Doctor of Philosophy, professor, Head of the Sociology faculty of the Moscow state university of the international relations of the Ministries of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow).
e-mail: sociol7@yadex.ru

© Кравченко С.А., 2012

© Kravchenko S.A., 2012

Сегодня в мире происходят глоболокальные изменения социума «космополитического характера» (У. Бек), детерминированные не столько прошлым социальным опытом и прежними историко-культурными тенденциями развития, сколько обоснованным лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным эффектом «стрелы времени». Согласно ему, имеет место саморазвитие материи, ускоряющаяся, а главное – ее усложняющаяся динамика, что относится не только к неорганическому и органическому мирам, но и к человеческим сообществам [1]. Общества, перейдя определенный порог развития, вступают в состояние сложного социума. В структурно-функциональном и ценностном плане общества становятся качественно иными. Их социокультурная динамика все более обретает черты нелинейности: изменения начинают происходить под влиянием факторов в виде «вдруг-событий» (Ж. Деррида), через парадоксальные разрывы и синтезы, саморефлексии, непредсказуемые случайные флуктуации, точки бифуркации, предполагающие в качестве естественной нормы возможность эмерджентного возникновения принципиально новых явлений или новых свойств у ранее существовавших объектов. Под влиянием глоболокальных тенденций в нашу жизнь пришли культурно гибридные реалии, возникли необратимые процессы, связанные с воздействием человека на природу, увеличилась роль фактора сетевых взаимодействий в контексте перехода к различным типам социального времени, включая «вневременное время» (М. Кастельс). А скорость общественных изменений приводит к тому, что увеличивается доля короткоживущего социума и уменьшается доля долгоживущего – это затрагивает функционирование жизненно важных референтов, таких как ценности, авторитеты, представления о добре и зле. Естественно, осмысление сложных реалий востребовало инновационные модели мышления, новые типы социологического воображения и новые парадигмы, включая междисциплинарные подходы. Проблематика сложности социума находится в центре внимания мировой социологической мысли, о чем свидетельствуют материалы XVII Всемирного социологического конгресса (Гётеборг, Швеция, 2010 г.) и X конгресса Европейской социологической ассоциации (Женева, Швейцария, 2011 г.).

Факторы, способствовавшие зарождению сложного социума

Нелинейная социальная и культурная динамика, благодаря которой возник сложный социум, сама явилась своеобразным «вдруг-событием». Еще в начале прошлого XX в. общественный прогресс ассоциировался с той или иной конкретной причинной детерминированностью внешнего характера и «прогрессивным» восхождением от «низшего» к «высшему», что, по существу, выражало линейную историческую социальную и культурную преемственность. Вклад в такие представления внесли и европейские философы-просветители, и классики социологии (Э. Дюркгейм,

К. Маркс). Распространение определенных европейских социальных практик на Америку и другие регионы мира, как предполагалось, было очевидным подтверждением «объективного процесса» исторического развития. И казалось, что человеческое мироздание подчиняется обратимым во времени «объективным законам». Все отклоняющееся, случайное рассматривалось как временное и преходящее, а парадоксы и разрывы социума, тем более кризисы и катастрофы цивилизаций – как исключение.

Одним из первых проанализировал нелинейное развитие и выявил становление сложного социума П.А. Сорокин. «Нет никакой непрерывной линейной тенденции... – писал он в своем фундаментальном труде «Социальная и культурная динамика». – В этом смысле и история в целом никогда не повторяется, и совокупный исторический процесс имеет уникальный исторический аспект в каждом своем моменте, аспект, насчет которого можно предсказать только то, что он непредсказуем...» [2]. Пространство сложного социума стало весьма быстро выходить за границы европейской культуры, и социолог поставил под вопрос господствовавшие в то время евроцентристские воззрения. «Время изолированных друг от друга государств прошло, – отмечал ученый, – и человечество теперь уже представляет собой взаимодействующее сообщество» [3]. При этом им был показан переход к многополюсному миру: «Перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку... И звездами следующих актов великой исторической драмы готовятся стать – помимо Европы, Америк и России – возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира» [4].

Если в традиционном и даже отчасти индустриальном обществе кризисы и катастрофы рассматривались как социальное бедствие с исключительно дисфункциональными последствиями, то в сложном обществе точки бифуркации, за которыми следует неопределенное развитие, становятся нормой. Принципиально новаторским был взгляд Сорокина на естественность кризисов и катастроф, которые, по его словам, имеют для человечества «великое обучающее значение» [5].

Социолог обосновал, что общественные изменения все более обретают усложняющийся характер, происходят в виде как долговременных, так и краткосрочных волн, а также разнообразных флуктуаций. «В некоторых случаях, – писал он, – флуктуация происходит резко; в других – и это более распространенная модель – волны подъема и упадка носят относительно спокойный характер, но даже в этих случаях наблюдается значительное разнообразие» [6]. Ученый прямо отрицает устойчивую линейную тенденцию однозначно «прогрессивного» развития: множество разнообразных фаз, ритмов и тактов в каждой волне «подтверждает тезис о

“творчески беспорядочном” характере исторического процесса. Формула Гегеля описывает лишь один из многих ритмов и тактов, характерных для самых разнообразных волн» [7]. Необходимо также учитывать чередования периодов усложнения – дифференциации и упрощения – унификации, имманентную саморегуляцию [8]. При этом однофакторному детерминизму общественной динамики Сорокин противопоставил сложную интегральную причинность, подчеркивая значимость как детерминистской, так и недетерминистской причинности. Ученый формулирует ряд принципов образования сложного социума, среди которых следующие:

1. Принцип имманентного порождения последствий: «Любая социокультурная система, пока она существует и функционирует, непрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы... Одной из специфических форм этого имманентного порождения последствий является непрерывное изменение самой системы, происходящее благодаря ее существованию и активности» [9].

2. Принцип имманентного самоопределения системой своей собственной судьбы: «Как только социокультурная система появляется на свет, ее неотъемлемый и “привычный” способ существования, формы, стадии, жизненная активность или судьба обусловлены главным образом самой системой, присущим ей характером и совокупностью ее свойств» [10].

3. Имманентная самодетерминация как синтез детерминизма и индетерминизма: «Детерминизм системы превращается в ее самодетерминацию. Самодетерминация – это синоним свободы» [11].

В итоге Сорокин приходит к выводу: «История показывает только бесцельные флуктуации... вопреки моему желанию увидеть в истории этапы поступательного, прогрессивного развития, я неизбежно терплю неудачу, пытаюсь как-то подкрепить такую теорию фактами. В силу этих обстоятельств я вынужден удовлетвориться менее чарующей, хотя, возможно, более корректной концепцией бесцельных исторических флуктуаций» [12].

В конце XX в. нелинейные тенденции динамики материи вообще, социума и культуры в особенности все более рельефно проявляют себя в увеличивающейся рискогенности социума, эффектах возникновения дезорганизации и вместе с тем возникновения нового порядка из хаоса. Для их интерпретации мировая научная мысль вырабатывает теоретико-методологический инструментарий синергетики, а затем и социальной синергетики, у истоков которых стояли В.И. Арнольд, А.Н. Колмагоров, И. Пригожин, Г. Хакен и др. Ученые показали, что базовые характеристики современных обществ ныне подвержены «стреле времени», становятся неустойчивыми, неравновесными, открытыми, а динамика все более обретает характер усложняющегося взаимодействия саморазвивающихся

систем. Результатом тому становится конец знакомого мира и образование мира сложного, нелинейно развивающегося.

Качества сложного социума

Сложность социума весьма многогранна и трактуется по-разному. Отметим некоторые его характерные черты. По И. Пригожину – наступил «конец определенности», что конкретно проявляется в увеличивающейся тенденции его самоорганизации, нелинейности и альтернативности развития, а точки бифуркации, которые ранее являлись своеобразными вехами в мировой истории, определявшими переломные этапы ее развития, по существу, становятся нормой. При этом нет линейного, простого увеличения беспорядка, а создается новый порядок из хаоса [13], к которому нужно адаптироваться, соответственно, необходимо научиться жить с ним.

Как считает российский академик В.С. Степин, если в малых системах достаточно полагать, что целое может быть описано свойствами частей и их взаимодействиями, то в сложных саморегулирующихся системах появляется качество, не сводимое к свойствам частей. Если же эти сложные открытые системы начинают обмениваться веществом, энергией и информацией с окружающей средой, то появляются новые управляющие параметры, обеспечивающие переход от одного качества к другому [14].

Французский социальный теоретик Ж. Деррида считает, что ныне остаются лишь динамичные, саморефлексирующие структуры, подверженные непредсказуемым случайным флуктуациям. Общественное будущее детерминировано не прошлым, а создается через «вдруг-события» и «со-присутствие» отдельных суверенных индивидов. Случайностям способствует и появление структур, в которых центр, и в структуре и вне ее – «центр ее в ином месте. Центр – это не центр» [15]. Саморефлексия касается и авторитетов. Герои прошлого времени, «герои» и «звезды» по случаю, события и жизненные стили, занимающие внимание современников, достаточно быстро забываются, но не исчезают, как может показаться, вовсе, сохраняясь в виде «следа». По мысли Дерриды, «след» обозначает «первоначальное прослеживание и стирание», выступает универсальной формой не-наличия, при которой осуществляется соотношенность всего со всем.

По оценкам президента Всемирной социологической ассоциации (2002 – 2006 гг.) П. Штомпки, сложный социум является становящейся (becoming) реальностью, что нашло отражение в его теории социального становления [16]. Социолог особо подчеркивает, что становление сложного социума происходит в контексте разрывов и социокультурных травм [17].

Многие теоретики считают, что атрибутом сложного социума является сложное социальное время. По И. Пригожину, ныне происходит пе-

реоткрытие времени, что, в частности, связано с нарушением симметрии между прошлым и будущим, с признанием наличия его нравственной и этической составляющей: время – «это некоторая конструкция и, следовательно, несет некую этическую ответственность» [18]. Испано-американский социолог М. Кастельс полагает, что при этом возникло несколько типов социального времени – монетизированное, виртуальное, кристаллизованное, вневременное и др. Однако доминирует вневременное время, которое ученый определяет как разновидность возникающего социального времени в сетевом обществе, создающего возможности для реалий «избавления от контекстов своего существования», «порождения систематической пертурбации в порядке следования явлений, совершаемых в этом контексте». При этом вневременное время становится временем власти в сложном сетевом обществе, ибо «социальное господство осуществляется посредством избирательного включения или исключения функций и людей из различных временных и пространственных рамок» [19].

Всегда люди одного поколения жили в одном историческом времени и, соответственно, по одним моральным нормам. Для сложного социума характерен эффект временного дисхроноза: в одном социальном пространстве сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах [20]: моральные представления одних групп могут относиться к одному социальному времени, а других – к другому. Это способствует возникновению кентавр-явлений, получающих все большее распространение. Они, как показал Ж.Т. Тощенко, «помогают скрывать сущность происходящего, вуалируя сущее, содержание» [21]. Естественно, кентавризмы по-своему способствуют усложнению социума, делая его более дисперсионным.

Возникают сложные пространства. Так, к традиционному пространству мест добавились пространство потоков и экстерриториальное пространство. Суть последнего прекрасно показал З. Бауман на примере «бестелесности власти»: «... властители, – пишет он, – приобретают подлинную экстерриториальность, даже если физически остаются на месте. Их власть полностью и окончательно становится “не от мира сего” – не принадлежит к физическому миру, где они строят свои тщательно охраняемые дома и офисы, которые сами по себе экстерриториальны, защищены от вторжения нежеланных соседей, не доступны тем, кто, в отличие от носителей власти, к этому сообществу привязан» [22].

Появляются и сложные коммуникации. В качестве таковой М. Кастельс прежде всего видит «массовую самокоммуникацию», основанную на интернет-технологиях, которая практически без ограничений может распространяться по глобальной сети [23].

Для сложного социума также характерно развитие новых типов рациональности, среди которых рефлексивность [24], гавернментальность [25], макдональдизация [26], играизация [27] и др. Как показали их исследователи, последствия этих рациональностей амбивалентны: с одной стороны, они создают новые образцы определенности и референтности, которые так важны в условиях увеличивающейся неопределенности, но, с другой стороны, они дисфункционально влияют на традиционные социальные регуляторы, на духовную жизнь общества.

Названные некоторые черты сложного социума, разумеется, не отражают всю его многогранность. К этому следует добавить, что наряду со сложным социумом появляется социум гиперсложный. Российский ученый В.П. Шалаев исследует социум, приобретающий характер неконтролируемости и неуправляемости со стороны человека. Под понятие гиперсложного социума, по его мнению, подпадают современная цивилизация, сложная техника, информационная технология [28].

Поворот сложности

В последнее время появилась целая плеяда «физически ориентированных социологов» [29], среди которых А.Л. Барабаси [30], М. Бучанан [31]. «Сложность, – заявляют они, – включает не понимание человеческого как нечто механического, а скорее, напротив, понимание природы как активной и креативной субстанции» [32], также отмечая, что «непредсказуемость и необратимость паттернов, по-видимому, характеризует все социальные и физические системы» [33].

Ни одна отдельно взятая наука не в состоянии охватить предметное поле сложности социума, который ныне неотделим от природы. Вот почему, заявляет известный английский социолог Дж. Урри, настоятельно требуется постдисциплинарная парадигма в виде поворота сложности: «...нематематическое основание, теория хаоса, нелинейность и сложность рассматриваются как единая парадигма» [34].

Поворот сложности, предполагающий теоретико-методологическую интеграцию, сегодня необходим для всех наук. Но особенно он значим для социологии и социальных наук, которые специально занимаются проблематикой глобальной сложности. Соответственно, оказалась востребованной «теория сложности, которая ныне в обобщенном виде появляется как потенциально новая парадигма для социальных наук» [35].

Следует подчеркнуть, что интеграция естественных и социальных наук обусловлена новыми сложными реалиями нашей жизни. «Глобальное, – отмечает Урри, – несомненно, характеризуется эмерджентной и необратимой сложностью, процессами, которые одновременно являются социальными и естественными» [36]. Если прежде сочетание несочетаемого выражалось в мифах о кентаврах, включавших в себя несочетаемое живое,

то ныне возникли вполне реальные гибриды живого и неживого, физических и социальных отношений, которые сегодня получают повсеместное распространение в среде и новейших технологиях. «Через анализ их динамичных взаимозависимостей в контексте комплексности их эмерджентные характеристики могут быть эффективно поняты, – пишет Урри. – Само по себе разделение между “физическим” и “социальным” является социоисторическим продуктом, который, как явствует, разрушается» [37].

Разумеется, нынешняя интеграция естественных и социальных наук не предполагает возврат к их «детству», когда доминировал механистический детерминизм и выделась единая суть законов физического и социального миров. «Я не предлагаю, – подчеркивает Урри, – простой “трансфер” сложности из мира физического в мир социальный», так как теория сложности исследует весьма конкретные их общие характеристики – «так или иначе, анализирует все явления, обладающие динамичными системными качествами» [38].

И для социологии, и для естественных наук особый интерес представляет эмерджентное поведение компонентов сложности. В качестве примера эмерджентности ученый приводит быстрые и неожиданные мобильности людей, капиталов, информации в глобальном масштабе. Также эмерджентно увеличивается сложность товаров, технологий, среды, что выражается в появлении огромного числа культурно гибридных компонентов, обладающих качеством, которое не сводится к их культурным составляющим. Имеет место эмерджентность в виде невиданного ранее синтеза физического, биологического и социального. Возникают необратимые процессы, связанные с изменением климата. Увеличивается роль фактора научных сетей, делающих общие результаты в разы эффективнее, которые не сводятся к простой сумме достижений отдельных научных ячеек. При этом появляющиеся открытия и инновационные технологии становятся мобильными.

В контексте поворота сложности вырабатывается новый взгляд на социальный порядок. «Порядок и хаос, – отмечает Урри, – выражают определенное состояние баланса, в котором компоненты ни полностью замкнуты в конкретном месте, ни полностью исчезли в анархии» [39]. Это принципиально новое видение природы социального порядка, факторы, его рационализирующие весьма сложным образом. Согласно воззрениям классика социологии Т. Парсонса, чья теория порядка функционирования социальных систем считалась эталоном, иерархия ценностей и норм, пронизывающая все уровни общества, задействует механизмы, которые в случае тех или иных девиаций достаточно эффективно восстанавливают социальное равновесие [40]. Однако сегодня мы имеем дело с принципиально иной ситуацией: по мере усложнения социума «усилия по восстановлению социального порядка почти всегда порождают дальнейшие не-

предвиденные последствия, – пишет Урри. – Они часто такого характера, что отодвигают общество дальше от упорядоченного равновесия» [41]. Более того, «социальный порядок в одной стране всегда зависит от ее сложных связей с эмерджентными транснациональными отношениями» [42]. Сказанное, в частности, подтверждается тем, что современные финансовые турбулентности в одной европейской стране лихорадят всю зону евро. Волны от них не могут не затронуть и финансовую систему России, которая со своей стороны делает все возможное для решения возникших проблем.

Социальный порядок в условиях усложняющегося социума становится весьма хрупким, может измениться даже под влиянием «эффекта бабочки» – казалось бы, малозначимые действия способны вызывать лавинообразные последствия, которые проявляются нелинейно во времени и пространстве (явно стабильные режимы в Северной Африке ныне оказались в коллапсе). «Небольшие изменения в прошлом, – пишет Урри, – способны потенциально произвести огромные последствия в настоящем или будущем. Такие маленькие события “не забываются”. Теория хаоса, в частности, отвергает представления здравого смысла о том, что только большие изменения могут вызывать большие последствия... Выразим эту мысль проще – нет согласующихся отношений между причиной и результатом события. Скорее, отношения между переменными могут быть нелинейными с внезапным включением происходящего, так что одна и та же причина может в специфических обстоятельствах производить разные виды последствий» [43].

Социолог особо подчеркивает, что эмерджентные эффекты глобального уровня «часто вызываются “маленькими причинами”»: сравнительно небольшие пертурбации в капиталистической системе – переход от индустриальной к информационной парадигме – привели к радикальному эмерджентному результату: вместо социальных революций (“марксов анализ капитализма девятнадцатого века демонстрирует элементы сложности”)» [44] утвердилось постфордистское «благополучие» потребительства. Интернет зародился и развился из многочисленных, относительно небольших технологических и организационных инноваций [45].

Теория сложности позволяет преодолеть «детскую болезнь» романтизма, характерную для периода становления социологии как самостоятельной науки. Она «может пролить свет, насколько социальная жизнь всегда представляет значимую совокупность достижений и неудач. В значительной степени социальная наука полагается без достаточных оснований на успешное достижение целей агентами или системами. Социология, – акцентирует эту мысль Урри, – пропитана приверженностью и убеждением в возможности увеличения успеха в социальной жизни... В связи с этим неудача является “абберацией, временной поломкой системы”...

Конечно, социальная жизнь полна того, что мы можем назвать “относительной неудачей”, как на уровне индивидуальных целей, так и особенно на уровне социальных систем. Неудача “необходимое последствие незавершенности” и неспособности установить и поддерживать полный контроль над комплексом скоплений, включенных в такую систему» [46].

Ученый полагает, что для теории сложности, объяснения естественности «относительных неудач», весьма важна концепция ненамеренных последствий, согласно которой, как показал Р. Мертон, реальный эффект, как правило, выходит за пределы декларированных намерений и целенаправленных действий [47]. Однако мертоновской концепции для адекватной интерпретации реалий сложности явно недостаточно. Необходим более широкий взгляд: «Хаос и порядок всегда взаимосвязаны в любой такой [сложной] системе... Глобальные системы могут рассматриваться как взаимозависимые, само-организующиеся и обладающие эмерджентными характеристиками. Я предлагаю, – пишет Урри, – что мы можем анализировать ряд нелинейных, мобильных и непредсказуемых “глобальных гибридов”, находящихся на “границах хаоса”. Они должны конституировать предмет социологии и ее “теорию” в двадцать первом веке» [48]. В качестве примеров «глобальных гибридов», находящихся на «границах хаоса», которые требуют иного взгляда с позиций поворота сложности, социолог называет информационные системы, глобальные масс-медиа, мировые деньги, Интернет, изменение климата, океаны, опасности здоровью, распространенные по всему миру социальные протесты и т.д.

Необходимость новых типов социологического воображения

Для анализа сложного социума социологами предлагаются принципиально новые типы социологического воображения, что в духе самого Ч.Р. Миллса, автора термина и первой концепции социологического воображения. Так, П. Штомпка в целом ряде работ была выработана новая концепция социологического воображения, делающая акцент на признании увеличивающегося разнообразия социальных изменений, форм проявления рискогенной общественной жизни, включая анализ современных культурных травм. Ее основные постулаты следующие: рассматривать все социальные явления как результат деятельности социальных агентов и идентифицировать их; понимать скрытые за поверхностью явлений структурные и культурные ресурсы и ограничения, влияющие на социальную жизнь; изучение предшествующей традиции, живого наследия прошлого и его постоянного влияния на настоящее; воспринимать общественную жизнь в ее динамике; признание огромного разнообразия и вариантов форм проявления общественной жизни. Она была конкретизирована применительно к обучению будущих социологов. П. Штомпка под социологическим воображением понимает комплексный навык, способности,

состоящие из пяти частей: а) видеть все социальные феномены, произведенные некими социальными агентами, индивидуальными или коллективными, и идентифицировать эти агенты; б) понимать глубокие, скрытые структурные и культурные ресурсы и сдержки, влияющие на социальную жизнь, включая шансы, которые имеют усилия агентов...; в) распознавать накопившийся груз традиции, устойчивого наследия прошлого и их влияние на настоящее; г) вникать в социальную жизнь в ее непрерывной динамике, в процессе текущего становления (*becoming*) [49]; д) находить огромные разнообразия и разноликость форм, в которых может проявляться социальная жизнь [50]. Как видно, квинтэссенцией данного типа социологического воображения является инновационное, рефлексивное мышление о текущем становлении.

Британский социолог С. Фуллер в книге «Новое социологическое воображение» предпринял попытку обоснования еще одного его типа. По мнению ученого, потребность анализа усложняющегося социума, в частности, «овеществления спонтанности», «ниспровергла социальное научное воображение с противоположных сторон – гуманитарных и естественных наук» [51]. Новая концепция социологического воображения предполагает мышление в терминах расширяющегося теоретического синтеза, примером чему могут служить «недавно появившиеся “прогрессивные” науки: социобиология, эволюционная психология, поведенческая генетика» [52]. Вместе с тем она ориентирует социологов на видение возможных ненамеренных последствий этого знания, инноваций, осуществленных на его основе, исходя из того, что «остаётся и всегда останется сомнение относительно нашего контроля над последствиями» [53]. Данная концепция социологического воображения в целом основывается на биологическом неоредукционизме, акцентирует возрастающую роль инноваций, особенно ненамеренных последствий в сфере новейших нанотехнологий для жизнедеятельности человека. Особый акцент она делает на проблемах здорового функционирования человека, в числе которых – риски здоровья, дискурс «старения» и «антистарения», новые подходы к пониманию человеческого тела.

Весьма оригинальную концепцию социологического воображения предложил У. Бек. «Мы нуждаемся в новом социологическом воображении, – пишет он, – которое реагирует на конкретные парадоксы и вызовы рефлексивного модерна, чтобы в то же время осмысленно и достаточно сильно раздвинуть стены абстракции, в которую заключены академические рутины» [54]. Стержнем этого типа воображения является космополитическая методология, обоснованная в недавно изданных работах – «Космополитическое мировоззрение», «Власть в глобальную эру», «Космополитическая Европа» (в соавторстве с Э. Грандом), которая, по мысли У. Бека, должна заменить национальный взгляд на социум. Предлагаемая

методология «нацелена на выявление противоречий, дилемм, невидимого, побочных эффектов современности, становящейся все более космополитической», на критическое переосмысление прежних подходов к социуму и природе. По мнению социолога, без перехода к принципиально новому теоретизированию, дискурсу, новой терминологии ученым и человечеству просто не справиться с вызовами сложного социума. Отправная посылка теоретизирования У. Бека сводится к следующему. Самым значимым фактом современности стало то, что условия существования человечества стали космополитизированы. Глобальные риски, угроза террора не знают границ. Идут процессы глобализации политики, экономических, правовых, культурных отношений, коммуникаций и спортивных игр, самых различных сетевых взаимодействий. В результате стираются границы между мирами: «Старые концепции Первого, Второго и Третьего миров превращаются в зомбированные категории. Это, прежде всего, означает, что контекст глобальности ныне является исходной точкой каждого... это уничтожает плюральные оппозиции между народами и государствами» [55].

С позиций космополитической методологии социолог, двадцать пять лет спустя после издания нашумевшей книги «Общество риска», предложил новаторскую теорию «мирового общества риска», подчеркивая, что «категория мирового общества риска контрастирует с той, которая обозначает общество риска», что, по его словам, востребовало «введение и развитие целых серий концептуальных инноваций» [56]. Среди них – выделение рисков, характерных для сложного социума. Такие риски – 1) «делокализованы» (их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством); 2) «неисчислимы» (ибо «включают “гипотетические” риски, основанные на научно обобщенном незнании и нормативном инакомыслии»); 3) «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое климатическое изменение» или «необратимые интервенции в существование человека», вызванные генетическим воздействием) [57].

В отличие от общества риска, в условиях мирового общества риска, по существу, «стираются различия между риском и культурным восприятием риска». На этой почве формируется воистину парадоксальная реальность: «Не имеет значения, живем ли мы в мире, который “объективно” более безопасен, чем тот, который был ранее, – инценирование ожидания бедствий и катастроф обязывает нас принять превентивное действие» [58]. Иными словами, виртуальные риски могут восприниматься как большая реальность, чем объективное содержание угроз. За этим следуют отнюдь не всегда рациональные превентивные действия. Россияне на себе испытали последствия инценирования риска свиного гриппа. Иракцам не повезло больше – инценирование риска оружия массового поражения,

которое так и не было найдено, привело к таким превентивным действиям, которые изменили судьбы миллионов далеко не в лучшую сторону.

Кроме того, в мировом обществе риска смысл определений риска становится своего рода материальной силой, задающей характер сознания и поведения людей. Как заявляет Бек, то, что отношения производства в капиталистическом обществе представляли для К. Маркса, то отношения определения риска представляют сегодня: «"Отношения определения" основываются на контроле над "средствами определения", над научными и легальными правилами. Здесь, аналогично, существуют "собственники средств определения" – конкретно, ученые и эксперты – и граждане "лишенные средств определения", которые имеют зависимый статус "простых людей" и которые подвержены власти определения и выбора экспертов, решающих от имени всех» [59].

Все «простые» россияне, полагаем, испытали на себе, что значит смысл определения риска: представления о рискованности той или иной диеты буквально меняются на глазах. Пример тому – пресловутые БАДы (биологически активные добавки). Не хотелось бы верить, но, думается, «авторитетное мнение» экспертов зачастую обусловлено не только медицинскими показаниями, но и коммерческими факторами.

Принципиально новые террористические риски подрывают и трансформируют основы международной политики. «Суицидальный терроризм, достигший космополитического уровня... – пишет Бек, – эксплуатирует различие между (возможной) угрозой и (актуальной) катастрофой... Мировое общество риска вынуждает нацию-государство признать, что оно не может выполнять ее же самопровозглашенное конституционное обязательство гарантировать своим гражданам то, что является высшим правовым благом – их безопасность. Единственно возможный ответ глобальному террору – равно как глобальным финансовым рискам, климатическому изменению и организованной преступности – транснациональная кооперация. Чтобы достичь ее, фактически утрачивающие власть нации-государства должны переступить через себя и фикцию автономности, если они намерены заслужить политические дивиденды от нового, общего суверенитета в преодолении национальных и глобальных проблем» [60].

На наш взгляд, с одной стороны, это гипотетическое видение перспектив трансформации международного порядка, рассчитанное на не одно десятилетие. Но, с другой стороны, уже сегодня необходима транснациональная кооперация мирового сообщества, как государственных, так и негосударственных акторов, для противодействия организованной преступности, по существу, выступающей в космополитической форме.

Наконец, У. Бек настаивает на смене методологических подходов анализа рисков. «Традиционный инструментальный риск-менеджмента кон-

центрируется на стандартных процедурах и рассматривает экстремальное как неважное. Этот подход вводит в заблуждение в мировом обществе риска, которое требует поворота к нелинейному подходу: исключения, которые только, вероятно, подтверждают правило, должны быть в главном фокусе внимания» [61]. При этом возрастает роль фактора незнания. «Мировое общество риска является обществом незнания в самом прямом смысле, – заявляет Бек. – В противоположность домодерновой эры оно не может быть преодолено большим и лучшим знанием, большей или лучшей наукой; скорее, как раз наоборот: оно – продукт большей и лучшей науки. Незнание правит в мировом обществе риска. Так, жить в среде созданного незнания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать» [62]. У. Бек особо подчеркивает: взрыв ядерного реактора в Чернобыле сопровождался «взрывом незнания», что, по существу, привело к образованию «пост-Чернобыльского мира» [63]. В результате возникает «ловушка риска», предполагающая парадокс решения, сочетающий и его необходимость, и его невозможность: «Чем больше угроза, чем больше разрыв в знании, тем больше необходимость и невозможность принятия решения» [64].

Думается, выход из ловушек риска лежит в более тесной интеграции естественных, социальных и гуманитарных наук, что предполагает качественно иную интеграцию ученых.

Все новые концепции социологического воображения весьма продуктивны и в научном, и в социальном плане. Однако, на наш взгляд, можно и нужно усилить их гуманистическую направленность. Со своей стороны, мы начали разработку концепции социологического воображения нелинейно-гуманистического типа, включающую в себя как нелинейную, так и гуманистическую составляющие:

– экстраполятивную реконструкцию, что предполагает воображение того, что сказал бы тот или иной социолог, творчество которого анализируется, если бы знал о важности поднятых им проблем в новой конфигурации современных вызовов, если был бы осведомлен о новых гранях своего подхода, которые были разработаны его последователями;

– рискологический поворот, исходящий из того, что магистральным направлением развития современной мировой социологической мысли становится изучение рефлексивного, самоорганизующегося социума, усложняющейся динамики, имманентной сущностью которого является риск. Дело не в том, что далеко не все представители постмодернистской социологии декларируют изучение риска. Проблема глубже – современный тип социологического воображения так или иначе учитывает внутреннюю активность социума рискогенного типа;

– играизацию социума, предполагающую соответствующую рефлексивность как структур, так и акторов;

– выявление гуманистической составляющей в целенаправленной деятельности человека и ее ненамеренных последствиях, что, в частности, позволяет раскрыть амбивалентность инновационного мышления, самой научной деятельности, выявить, при каких условиях они несут блага людям, а при каких оборачиваются нынешними и отложенными бедствиями [65].

Разумеется, эти и другие компоненты инструментария нелинейно-гуманистического социологического воображения не могут существовать сами по себе, вне других подходов, связанных с осмыслением современной неопределенности и нахождения в ней новых интеллектуальных и гуманистических основ для жизнедеятельности человека. Думается, российские социологи, опираясь на наши гуманистические традиции, смогли бы создать развернутую теорию социологического воображения, адекватную не только усложняющейся социокультурной динамике, но и востребованности Действующего Гуманистического Человека. Тогда многие вызовы сложного социума могли бы решаться на принципиально иной как интеллектуальной основе, так и с учетом гуманистического фактора.

Примечания:

1. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001.
2. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000. С. 92, 93.
3. *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 330.
4. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 11, 14.
5. *Сорокин П.* Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги) // Вопросы социологии. 1993. № 3. С. 53.
6. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика... С. 338–339.
7. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 310.
8. *Пригожин И., Стенгерс И.* Указ. соч.
9. *Степин В.С.* О философских основаниях синергетики // Синергетика: Будущее мира и России. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 20–21.
10. *Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Жак Деррида. Письмо и различие. СПб., 2000. С. 353.
11. *Sztompka P.* Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991.

12. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1.
13. *Пригожин И.* Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8; *Он же.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: Ком Книга/URSS, 2006.
14. *Castells M.* The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. XXXIX – XLIII.
15. Мир, определяющей характеристикой которого является единый темп (общая скорость) развития всех входящих в него сложных структур. См.: *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М., КомКнига, 2007.
16. *Тоценко Ж.Т.* Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М., Новый хронограф, 2011. С. 48.
17. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 32.
18. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. XXVII.
19. *Archer M.S.* Structure, Agency and Internal Conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
20. *Foucault M.* Governmentality // The Foucault Effect: Studies in Governmentality. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
21. *Ritzer G.* The Mcdonaldization of Society. Pine Forge Press, 2000.
22. *Кравченко С.А.* Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. М.: МГИМО-Университет, 2006.
23. *Шалаев В.П.* Синергетика в пространстве философских проблем современности. Йошкар-Ола, 2009.
24. *Urry J.* The Complexities of the Global // Theory, Culture & Society. Sage Publications, 2005. P. 235.
25. *Barabási A.-L.* Linked: The New Science of Networks. Cambridge, MA: Perseus, 2002.
26. *Buchanan M.* Small World: Uncovering Nature's Hidden Networks. London: Weidenfeld and Nicolson, 2002.
27. *Urry J.* Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 12-13.
28. *Ibid.* P. 7-8.
29. *Ibid.* P. 17.
30. *Ibid.* P. 12.
31. *Ibid.* P. 13.
32. *Ibid.* P. 18.
33. *Ibid.* P. 17.
34. *Ibid.* P. 22.

35. См.: *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002.
36. *Urry J.* Global Complexity. P. 105.
37. *Ibid.* P. 106.
38. *Ibid.* P. 23.
39. *Ibid.* P. 81.
40. *Ibid.* P. 79-80.
41. *Ibid.* P. 14.
42. *Merton R.* The Unanticipated Consequences of Purposive Action // *American Sociological Review*, 1936. Vol.1.
43. *Urry, J.* P. 14.
44. *Sztompka P.* Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991.
45. *Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // *Социс.* 2005. № 10.
46. *Fuller S.* The New Sociological Imagination. London: SAGE, 2008. P. 19.
47. *Ibid.* P. 29.
48. *Ibid.* P. 54.
49. *Beck U.* Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes // *The Risk Society and Beyond.* B. Adam, U. Beck, J. van Loon (ed.). London: Sage Publication, 2007. P. 212.
50. *Beck U.* Power in the Global Age. Cambridge: Polity Press, 2007. P. 107.
51. *Beck U.* World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. P. 9.
52. *Ibid.* P. 52.
53. *Ibid.* P. 11.
54. *Ibid.* P. 33.
55. *Ibid.* P. 39, 41.
56. *Ibid.* P. 51.
57. *Ibid.* P. 115.
58. *Ibid.* P. 116.
59. *Ibid.* P. 117.
60. *Кравченко С.А.* Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. М.: Анкил, 2010. С. 250.